

Й
О
К
О
С
А
Н

ИЕРОГЛИФ
ЛЮБВИ

Йоко Сан
Иероглиф любви

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Сан Й.

Иероглиф любви / Й. Сан — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-51-0

В этом томе – стихи ранние и настоящего времени. Все они будут близки тем, кто умеет чувствовать и любить: своих близких, родительский дом, свою планету. «С каждым новым твоим творением, убеждаюсь, что ты – новое явление в Поэзии и стоишь особняком. И явление это – ментальная поэзия. Гений и Ангел твой ведут тебя к утверждению Любви и великой ценности Мира – Душе человека» (Ася Быстрова-Баскакова).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907030-51-0

© Сан Й., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

О себе	8
Мечты сбываются	9
Банзай	10
Дождь на Сен-Жан-Кап-Ферра	11
Фиеста	12
За моим окном	13
Бабье лето	14
Осеннее обострение	15
Сентиментальное	16
Мой полуостров	17
Мягкий квадрат	18
Линии судьбы	19
Сольфеджио Вознесения	20
Сияющее облако	22
Despacito	23
Акуна Матата	24
Мой Сен-Жан-Кап-Ферра	25
Сопромат	26
Высший пилотаж	27
Сон осени – Вивальди	28
Монолог пилота	29
Па-де-де или бумажный танец	30
Статус выживания	31
Рыбовожатая	32
Луч, по косяку, взмывающий впотьмах...	33
Когда я буду в риме...	35
Утренний декаданс	36
Летний сон	37
О счастье	38
Фиолетовое настроение	39
Пятый элемент	40
Перфоманс	41
Я возвращусь	42
Роза ветров	43
Магнолия	44
Игра престолов	45
Взятие Бастилии	47
Имя роза	48
Дульсинея Лазурная	49
Июльский день	50
Экзюпери	51
Утренняя прогулка	52
Странности любви	53
Чужой дождь	54
Вещь в себе	55
Когда не пишется	56

Взрослая колыбельная	57
Желток луны на мантии небес	58
На плывущем лепестке	60
Безумие и его Бог	61
Там, за поворотом	62
Была тебе любимая	64
Два крыла	65
Не богохульствуя	66
Поцелуй дождя	67
Domipus	68
Звезда по имени Солнце	69
Филоните атланты	70
Глаголом жечь	71
Минутное	73
Сан-суси	74
Ритм-энд-блюз	75
Февраль, километры	76
Предчувствие	77
Немного солнца в холодной воде	78
Belladonna	79
Мой каприз	80
Адамово ребро	81
Мигрень	82
Бонжур под стрелой	83
Наваждение	84
Осеннему сплину	85
Спутанные мысли	86
Горечь тубероз	87
Но как забыть тебя	88
Плот восьмой Луны	89
Не параллельно	91
Ноктюрн	92
Сладкий август	93
Сад осенью	94
Подражание базе	95
Круг земной	96
Страсти по Фаренгейту	97
Методу	98
Сэппун[2]	99
В жизни, как в письмах	100
Полный абзац	101
Сполна	102
Миссия – Константинополь	103
Спаси боже люди твоя	104
Два солнца	105
Осанна	106
Безмолвное хокку	107
Степень подобия	108
Капля манны	109

Конец ознакомительного фрагмента.

110

Йоко Сан

Иероглиф любви

© Йоко Сан, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

О себе

Мой дипломный проект в университете назывался «Творческий поиск журналиста». Сейчас мне была бы интересна тема «Творческий поиск в поэзии». Перечитывая великих авторов, осознаешь, как ты ничтожен и все же, что заставляет нас карабкаться на Парнас? Искать свою рифму, свое слово?

Как осеняет обыкновенного человека, что в его ушах начинает звучать мелодия и увлеченный ею Роберт Уоринг Дарвин, отец ученого, играл на флейте своим цветам. Это так трогательно. Вот вам пример поэтического вдохновения.

Что может служить его источником? Образ, мысль, то бессознательное, что существует в летаргических снах, глубокой коме, когда тело и душа по разные стороны баррикад, ведь не зря все пишущие подвержены рассеянности, уходу в себя.

Примерно такое же состояние у влюбленности, то есть вывод естественный, что это сродни катарсису. Именно в момент наивысшего подъема духа: необыкновенной радости или глубочайшего горя, – рождаются шедевры. Примеров в классике довольно. Это Петрарка, Пушкин, Бальмонт, Гете, Лорка... всех не перечислишь.

Каждая эпоха рождает свои имена в поэзии, и они как рождественские свечи, по которым мы находим дорогу к себе и плывем. Наш небесный корабль состоит из звуков гармонии и полон запахов миндаля и роз, в себе мы открываем удивительный райский сад утонченных неизвестных цветов. Есть поэзия Данте, где ты познаешь Божественную комедию, есть чеканный Манделыштам, напевный Окуджава...

Жизнь без поэзии – это как еда без соли, пресная. Есть утро, но нет солнечных лучей и пения жаворонка, есть день, но он без полутонов и шороха листвы, нет вечера с его таинственным сумраком и ночи без соловьиной трели. Поэту дано видеть мир другими глазами, он лира, извлекающая звуки, тоскующий дудук, аккорд органной мощный. И в голосе травы он слышит землю, тоскует по неведомой глуши, он болен болью окружающего мира и слышит одному ему дарованную песню.

Мечты сбываются

Хай! Я Йоко, та, что рисовала
На тонкой рисовой бумаге
Снег, луну и цветы...
Воображая узнать,
Где прячутся
Солнца дневного лучи...
На носу спущенной на воду яхты
«Да Винчи» стою перед милым
Ожившей кариатидой,
Свежий ветер полощет, играет
Фок-мачтой моей бригантины:
Я счастлива, слышишь, господь мой,
Я люблю, я любима!!!

Банзай

Когда моего прадеда ставили
К расстрельной стене,
Кричал ли он Банзай Ниппон
Да здравствует Япония,
Мне неизвестно –
Потому что вскормили меня
В чужой для него стране
Потомки тех, кто расстреливал.
Свой среди чужих,
Чужой среди своих –
Так иногда я чувствовала
Себя в детстве,
Когда стакан наполовину полон,
Тебе совсем не одиноко
Ты чувствуешь себя в гармонии
С целым миром и когда видишь,
Как солнце входит в красный круг
Над белым флагом,
В твоём сердце не стучит пепел Клааса,
Потому что его давно развеяли
Над рисовыми чеками средней Азии
И транссибирской магистралью...
Я человек мира, как Велимир Хлебников,
Но корни не пропьешь, как рубль целковый,
Когда гармонией нельзя упиться, и
Видя несправедливость, достаешь катану,
Право выжить достойно холодного меча,
Банзай, Россия, вдогонку, на прощание,
Путь самурая долог, и свет луны прозрачный
Напоминает мой далёкий дом – Банзай!

Дождь на Сен-Жан-Кап-Ферра

Засентябрила осень.
Бронзовое тело.
Без рук, без ног и головы
Эпоха арт. Владычица искусство
Сбегаёт дождь по ню
Намеком женщине – слезами
Одиночества, смывая все следы,
И это откровение небес, ушат воды
Над головой, желание пуститься в пляс
По обнаженным улицам, где музыка
Звучит и день и ночь, желание
Зарыться с головой в уют подушек дрёмных
Потом глинтвейн горячий с корицей и
Гвоздикой, – прощанье с летом и с жарой,
Начало жизни, горечь, радость
Нежность и тоска одновременно
И запах зеленеющих садов, плоды янтарные
На тяжелой мокрой ветке,
И кажется, что земля сейчас закрыта
За плотной шторой серебристой
Там далеко листва и тишина лепечут песню
А сердце постигает сущность в золотом

Фиеста

Выходит море из берегов
Девятый вал
Запечатлеть волну повыше
Держи штурвал
В краю магнолий и японских сосен
Нежданно осень
Дробь барабанных палочек дождем
Кашне и трости
Огонь жаровни ярче и сильнее
Рука в руке, дарящее тепло
В фиесту сон похожий на бессмертие
Когда сухой бессмертник ложится на ладонь

За моим окном

Осень на Кап-Ферра –
Дозревает хурма
Кисти бананов вместо красных рябин,
Гроздь виноградная
Готовится стать вином –
Скрипач фламандской кисти
Смотрит в мое окно.
И стих летит, трепещет
Весь в лазури
Застыв в кантате Бенуа
Когда душа обнаженная
Расцветает и жертвует собой,
Тогда начинаются чудеса

Бабье лето

Снялись с рейда большие корабли
Грустная картина. Осень.
Мне ль печалиться, не знающей зимы,
Но чего-то все равно грустится очень.
Сколько ещё вёсен мне осталось
Чтоб любить тебя сильнее сильного,
Беспредельно море, нет предела чувствам
Каждый день как чудо, попытка избавленья
От лени и желаний, несвойственных уму...
Три лунные ступени, калитка в ночь
И чтобы любовь казалась мне живой
Иглою в сердце память приторочу
Как переметную суму к седлу возницы,
В мешках пастушьих флейта позвоночник
Горбушка хлеба, краешек луны,
И если повезет, ночь долго будет длиться,
То всё загаданное – сбудется в свой срок

Осеннее обострение

В пустых глазницах нас пугающая тьма,
Словно март на дворе орут за окном по ночам коты,
Нас разделяет пропасть и хождение
За три моря, которыми ходили в старину...
В мире стало так мало интересного,
Одни местоимения и союзы:
Что, где, когда, кто кого
Иногда вопросы: зачем, для чего,
Но это уже идиомы речи.
Старались жить под Бродского
Новый тренд – под Серебренникова,
Для мученика – мало святости,
Для нового героя слишком много френдов,
Герой – он одинок и более несчастен
Когда к нему не органы внимательны,
А отворачивается Мельпомена,
Слепая Муза – семь пятниц на неделе,
Но все стараясь угодить, по мер сил,
Способностей, привносят новое на
Жертвенный алтарь: кто печень, почку,
Но сердце кажется никто еще не подносил,
Разве лишь Шекспир: как символ – череп...
И то, как выясняется, не всеми понят был...
Иные времена, иные нравы...
Я из толпы, стою с букетом для кумира,
Так дайте ж, сударь, откровенье века!
И эти пересуды, что Карл у Клары украл
Кораллы – мне по барабану и до одного
Известного всем места,
Когда б не плакала ночами лира и
Не орали под кустом бродячие коты.

Сентиментальное

Вас любит ямб,
Хорей к вам благосклонен.
Но жизнь такая язва,
Что всегда найдет чем уколоть.
Хочу сентябрь без катаклизмов,
С бабьим летом: погожий, дивный,
Прощальное тепло...
По Млечному пути косые ливни
Падучей, яркою звездой
Под чужим небосводом,
С перевернутым месяцем,
Как кораллом по сердцу
Твоя боль обожжет изнутри,
В аквамарине лагуны морской
Отразится сияние вечности
И в глазах неразгаданных серо-зеленых
Вспыхнет пламень вечерней зари...
Твоя честь мне порукой – я забудусь
В объятиях нежности –
Милый, самый близкий мне человечек,
Ты поверь, что потерянный рай
В полумиле от нашей любви.

Мой полуостров

Разбирая шкаф рискуешь
Наткнуться на мужской скелет
В море ядовитые медузы, но жалят они
Только тех, кто тронет их...
Каждый вечер, обходя полуостров
Очарованная его изгибами
Понимаю, что похож он на большую
Подводную лодку, обнаженную наполовину
Здесь под ногами щебень
И рыжая земля
Кусок земли ничейный, где при желании
Историю переписать и сочинить
Способен тот, кому не лень
Преодолевать ступени вверх
Где круче кажется земной абрис.
И птицы звонче, но хор цикад умолк
До будущего лета, под аркой подвенечной
Брачующихся слышен трепет сердца,
И голос падре звонкий: Аллилуйя!
Выходит замуж дочь короля
В наряде пышном – торжество момента
И лепестками роз усыпана дорожка
Все как обычно в это лето,
Хотя на календаре уже сентябрь,
Лишь попрохладней ночь указывает это
А в остальном цветение и буйство зелени
Нет изнеможденности печати
И та печаль, что сопровождает осень
Здесь приказала долго жить весне,
Когда на родине очень депрессивно
Мечтаешь о земле, где круглый год тепло
Под ноги б сыпалась спелая черешня
Из-за ограды улыбался желтый абрикос
Теперь смоковница мне перебегает путь
И Олива кудрявая плодами темными
Смотрит в облака, где даль уходит
Прямо в небо, к Богу,
И каждый ищет в ней себя, свою дорогу

Мягкий квадрат

Ты будешь смеяться моим тайным желаниям:
Стать еще более рыжей как в Пятом элементе
Мила Йовович, сделать цветное тату
На плече – дракон на мече – летящим
К белоснежному облаку,
Научи меня делать двойное сальто
Стоять на голове долго-долго
Когда в очередной раз рак свистнет
Скажи ему, что он свободен...
Заключенная в оболочку слов: неприлично,
Держать спину прямо и ряд стройнее,
Иногда хочется вырваться из бутылки джинна,
Чтобы не уподобляться девушкам из высшего общества –
Джин+тоник приятный коктейль и хорош
От мажорных укусов
Можно как Черчилль – чистый джин со льдом –
Обнаженный мартини, когда на столе
открытая тобой бутылка вермута,
Едва уловимый, тонкий такой аромат...
Что хочется снова влюбиться
В тебя заново, когда при виде меня
Тебя било мелкой дрожью как лист осенний...
Отправиться снова в путешествие свадебное
на немыслимо далёкий
Тропический остров и глядя в иллюминатор
Тебе хотелось прожить эту жизнь снова и снова
И ускользнув от бдительных стюардов
Заниматься любовью неистово так
Словно завтра тебя ждет расстрел перед строем

Линии судьбы

Десять вещей про себя,
Которые держат в секрете – уже не тайна
Мир стал прозрачным и хрупким как стекло
В час икс когда луна скользнёт за косогор
Сметливый дворник собирает мётла,
Брошенные ведьмами, боль отступает,
Висит хрустальный и прозрачный воздух
Одно видение тебя преследует...
По гулкой мостовой звонкая повозка,
В ней гроб, лошадь пугливая несется,
Ящик падает, рука покойного свисает
О, страшно боязно, но ты замороженный
Уставился в открытую ладонь,
Ты хиромант, читающий все линии судьбы
Как вдруг...
Рука покойника тебя хватает за лицо...
Тот ужас и смертельная тоска, твой
Бег ночной, заводит сердце с ненормальной
Частотой, такой, что вынужден проснуться
Холодный пот, смертельная тоска
Ты будто в двух мирах, они пересеклись...
Твою земную ипостась возвращает солнце,
Но взгляд твой обращен по прежнему к Луне
Она источник беспокойства,
Ей подчиняется морской прилив
И тьма послушная нам посылает козни,
А тайна скрытая и непрочтенная той ночью
Была близка как никогда к открытию
Секрет Полишинеля прост: ты видела свою
Ладонь и бывшее некогда синим
Падало с неба ажурным дождем

Сольфеджио Вознесения

Причудливая смесь французского фарфора
Японской каллиграфии и русской речи
Заполнили словарь мой, плечи –
Во власти крыльев баттерфляй,
Нет логики, но есть полёт с тарзанки,
Вниз головой в расщелину реки:
В головокружительный, стремительный
Поток – Нет самоубийцам, – есть расчёт,
Что дан природой птицам, когда в полете
Чайка выхватывает рыбу из воды, пикируя
И попадая точно в цель...
В созвездье Гончих Псов висит твоя мечта,
А тебя в КПЗ, за распитие шампанского
В общественном месте: Товарищ дежурный,
Знайте, если кто-то стремится к своей звезде
Значит это безотлагательно нужно,
Странно, что не всем приходит в голову
Разуваться в чужой квартире,
След черный от сапога невежественен, груб
Это от дешевой ваксы или паркет плохой
Интересно, для смены власти,
Важен протест снизу или мятеж сверху?
Локон, что палец теребит задумчиво
Скоро начнет свою взрослую кудрявую жизнь
Из окон открытых приморского южного города
Голос мамыши: Яша, как ты держишь
Скрипку, мы начинаем урок или будем шутить?
Влажные тихие сумерки заползают во двор...
День августовский последний
От Рождества Христова,
Выглажен фартук, висит в шкафу
Новая школьная форма
Среди будущих коричневых, синих...
Там, у Покровских ворот, мы люди из будущего
Ручейками стекались к морю цветов,
Нас насильно затягивало и мы исчезали
Бесследно в водовороте будничных
Взрослых, уже не таких интересных,
Как в детстве – дел...
Исцеление музыкой – обращение трезвучий
И пусть семь богов, творящих нот,
Окраску придают созвучиям
Берите звуки До и Ре в мажоре
Еще немного света солнца – Соль,
Прощальным взглядом окидывая лето,

Блажен, кто слышит музыку любви!

Сияющее облако

Это облако, сияющее светом
Появилось в пещере,
Где родился Христос
Нам сегодня таким всем правильным,
В это чудо поверить не просто...
Осязать, потрогать, увидеть,
А иначе представить сложно:
Конденсат водяного пара,
Залетающий в грот к младенцу...
Но когда врасплох, неожиданно,
Как гром среди ясного неба –
Счастье бежит навстречу
В красной простой рубашонке,
Глаза у него цвета неба, яркий
Букет васильковый,
Со временем не стирается
Память, лазоревый цвет...
В сиянье плачущей травы
Своей серебряной звезде
Молится кузнечик
На обетованных небесах
След облачный не тает
Жемчужные ливни,
Искрящийся свет –
И путь твой тернистый
Пока только-только очерчен.

Despacito

Летний вечер. Слянок звон
Молодежь в шары гоняет
Этот стук и этот звон
На-по-ми-нают:
Шаловливый детский бег
Звон пасхальный за окном
По сценарию судьбы
Бог здесь лучший режиссер.
Мой талисман – куриный бог
С дыркой посредине
Убережёт от бед, невзгод
Улыбкой сквозь глазок,
Уплывают годы кораблями
В дальние-предельные чертоги,
Мой король у зеркального пата
В смущении, одинокий.
Медленно-медленно, –
Поёт Джастин Бибер
Шаг за шагом я покрываю
Тебя поцелуями – Despacito
У меня учащается пульс...
Я подписываю стены твоего лабиринта
Превращая их в манускрипт,
Красота – это пазл и чтобы его собрать
Шаг за шагом начнём путешествие
По твоим любимым местам,
Где на пляже в Пуэрто-Рико
Изучают науку любви двое...
Солнце медленно скрылось за горой –
Через неделю осень,
Королева-ферзь объявляет шах
Его Величеству Королю

Акуна Матата

Чужие стихи – это твое восхождение
/А восхождение всегда мучительно/
Когда Сальери пытается понять
Всю глубину трагедии, кто гений
Из фортепианной глубины
Моцартовского Реквиема
Ответом были лишь щелчки
И завершающим аккордом выстрел:
Гений и злодейство!
Умение читать стихи,
Не только радость,
Способна преображать
И находить прекрасное царица Грусть,
А в комнате звучит
Вальс До минор Шопена,
В котором слышится,
Как плачет за окном
Последний лист осенний,
Холодный ветер треплет кудри
Капризно-утонченный, грустный,
Как вечер золотого дня...
И словно море выпланных слёз,
Круженье, солнце, игры над волной
Воздушных бабочек, стремительных стрекоз
Как будто всего лишь день один
Продлилась жизнь твоя,
И лунная дорожка, по которой
На лодке ты и я – мелодия любви
Сияние луны в серебряной оправе
Похож на луч утраченной надежды...
Но правда в том, что солнце всходит
И тогда, когда его не видно
И на рассвете вновь зальет всё светом
И бабочка легко перепорхнёт
С цветущей сакуры на гиацинт душистый

Мой Сен-Жан-Кап-Ферра

Эти тихие улочки
Превращаются летом
В бурные реки –
Дорогих авто,
Бегущих к морской воде.
Полуостров тщеславия,
Вечных надежд,
Мой Сен-Жан-Кап-Ферра –
Я твоя навеки...
Часами болтаясь в соленой воде,
Боюсь стать сардиной,
Вяленой рыбкой к пиву,
Эти яркие блики на дне
Рисовал пластилиновый бог во сне
Мне осталось прочесть эти символы:
Свежесть лаванды, теплые губы
Звёзды глаза в синеве,
И белые-белые сны...
Где над тихими улочками
Золотые стихи восходящей Луны

Сопромат

За морями, за долами и за дальними горами
Нет тех плит, где память зло колдует
Ворожила – счастье, выпало – несчастье,
Каждой по серёжке, чтобы не обидно...
Хочешь, чтоб за тебя кто-то решал
Все вопросы – так не бывает,
Вертится, крутится мир вокруг тех,
Кто знает: за красным флажком – премия
Или прихлопнет крышка...
Легче суму, чем из тюрьмы разглядывать
Вышку, там за офшором другие будут
Игрушки, почти неприкасаемый и
Почитаемый бонз или цэ душка...
Но почему-то завидуешь всем
Белоснежным судам заморского чуда,
Весь Капитал изучи, не поймёшь что откуда,
Лохом родился, лохом ты был и лохом
Помрёшь, покуда – время настанет лечь
В домовину, которая – всегда одинаково
Впору и фарисею и мытарю...

•

Из новостей:
Россияне держат в офшорах активы, равные 75 процентам
нацдохода

Высший пилотаж

Высший пилотаж –
Это мысленно рисовать
На обратной стороне зрачков
Облака,
Когда не спится...
Вводить себя в самогипноз,
Когда тебе страшно –
Это мол мне только снится...
Высший пилотаж –
Не желать зла другому:
А это значит, –
Не желать жены ближнего своего,
Снять с себя последнюю рубаху
Как в ту большую войну
В эвакуации,
В знойном Ташкенте,
Когда вкусную урючину
Придвигал поближе к тебе,
Минуя своих детей,
Пожилой узбек
И ты не отплатишь ему за это
Через много лет,
Называя презрительно «чурка»...
Высший пилотаж –
Это всегда оставаться человеком,
Когда хочется хрюкать
От собственной значимости
Высший пилотаж –
Это желтая голова подсолнуха,
Неизменно обращенная к солнцу
И это когда
Ты можешь чувствовать боль другого
Как свою собственную...
Высший пилотаж –
Это умение наслаждаться мгновением,
Видишь вон висит красивое облако,
Зацепись за него и ПОЛЕТЕЛИ!!!

Сон осени – Вивальди

Ты мое лекарство, лучшее из зол
Летаргия, отдохновение, катарсис
Ты моя любовь, мой долгий сон,
Дрёма с ленью, с утренним лучом
Обрывок фразы...
Не знаю правда это или сон,
Когда сощуришь глаз,
Я бормочу невнятно о Бодлере,
Ко сну второму уходя неторопливо
Где влажная трава на берегу и сумма
Одиночества равна нулю, где розовый
Фламинго наяву и рифма меткая сидит
Не в клетке – в сердце, а жизнь моя –
Энциклопедия, открытая на слове
Счастье, страницу обдувает ветер,
На подоконнике – этаж последний, верхний
Страшно и оттого еще прекрасней,
Веселее... когда с карниза кормишь голубей
И в воркованье слышится Вивальди:
Бодрящий воздух, сад осенний
Трубят рога и рыщет гончих стая
Охотники идут по следу
Стрелой промчался зверь
Но злая свора его загнала насмерть
В темной чаще – L'Autunno – и падая
Во сне мы кажется, взлетаем
По музыкальной лестнице:
От До на самый верх...

Монолог пилота

говорила «люблю», а сама –
тень искала заблудшую чью-то,
эту женщину бог сотворил из чужого ребра,
не понять мне ее никогда до конца:
то ли сфинкс, то ли Будда...
моя женщина –
это плывущие в небе
перламутровые облака...
в восходящем скольжении всё выше и выше...
окруженный другими, такими же птицами близко,
я ловлю свою тучку,
подбираясь все ближе –
это радужное облачко радугой в небе повисло...
в бесконечные дали уплывает, любимая,
её призрачность
в золотой предзакатной мгле...
очевидная ветру,
моя штормовая окклюзия
и набухшие тучи слезами небес на щеке

Па-де-де или бумажный танец

Когда горит в закатном полумраке
Цвет ярости и цвет огня
Я маленькая балерина,
Танцую па-де-де и фуэте в канкане
И как насмешницу луну,
Лулу зовут меня...
Когда в таверне затихнут голоса
И смех умолкнет
Повиснет ночь в медовой шкурке,
Желая отдохнуть,
Настанет час, когда под звездным небом
Для рыб в пруду и зеленеющих лягушек
Мой танец вдохновенный начнется на лугу
Босые ноги холодит роса полночная
Лист подорожника накинёт плащик тонкий
И до утра подпрыгивая звонко
Кузнечик с муравьем прислуживают мне,
Короткий дивный летний сон
Как ты прекрасен!
В прожилках мраморных и перламутре
Танцуйте, господа, пока не кончен вечер,
Где будут сожжены и крылышки и перья
В огне большой единственной любви...

Статус выживания

В мире где шёпот
Волны с волной, –
Барашек пенный след
Сухой листок магнолии
К ногам принес
Безымянный ветер
Играет Джошуа Каприз
Молитвенно-красивый
И все семь футов наклоняясь
С чувственной силой
Смычком по струнам –
Расправляют парус,
Стремительный и полный
Как капюшон хранителя змеи...
И в стойке королевской рати
Бегущей кромкой вдаль
Пока не станут точкой
Нездешняя печаль
Где яхтенные гонки –
Благая цель
И статус выживания

Рыбовожатая

Из всех земных существ
Я самая счастливая,
Рыбовожатая –
За мной идет косяк
Позвольте насладившись случаем
Вам рассказать всё; что и как...
Вначале ты бросаешься в пучину
Она как истинная леди
Приветлива, но сдержанна и холодна
И обойдя уже свои чертоги
Теплеет взгляд и в дар мне милость
Видения иных миров и таинство стиха,
Елена и Парис, неужто это было
И яблоко раздора и дар богов?
Какое это счастье – плыть, забывшись,
Что подо мною тысяча веков...
Ты первая всегда и будешь лучшей
Пока твой взгляд не переживет меня
Из радуги волшебной, сорок сороков
Из пены нежных орхидей
Платье твоё белое, венчальное
Бурлящая волна и сладостный поток

Луч, по косяку, взмывающий впотьмах...

Здесь плоскодонки смешны, наивны...
Все больше яхты: с мотором, без –
И если парус, то парус видно
От дюйма А до дюйма S
Любуюсь каждой, впитав навеки
Закатный силуэт, абрис кормы.
Когда б вы знали на каком из них
Доплыли до Нового Света
Вы были бы изумлены...
Лежит на дне сокровище морское
Большой испанский галеон
Поднять бы наверх, да за такое
Не жалко жизни,
Приключенье века!
Полундра! Свистать всех наверх!
Рубить канаты и отдать концы!
Снимайте якорь, поднимаем парус
Вперед, вперед, любимые гонцы...
Мне снится – под созвездьем Ориона
Небесный галеон – на нем,
Как будто из тончайших облаков
Черный лебедь. И голоса матросов:
Тысяча чертей! Я вижу берег!
На борту уже золотой миллион
...А в антильском порту
Легкий предутренний бриз
Как цветок распускается бриг
На борту стоит, лица уже не видно
Любимый капитан Легран,
Бегу навстречу, как бегут,
Завидя воду
Жажущие путники пустыни
Как бегут навстречу Солнцу,
Руки распахнув как крылья
Обогнать меня способны
Только ангелы навстречу,
Но и это сновиденье
Как любимое виденье
Много лет бежит назад...
Будто лестница
В старинном доме,
Куда карабкаюсь
Лучом, взбегающим впотьмах
И скатываюсь кубарем
Как некогда ребёнком

Который год, который год подряд.

Когда я буду в риме...

Когда мы поедem с тобою в Рим,
То будет цвести глициния
На всех площадях и палаццо патрициев
Беседуют цветы...
Во сне я согбенно молюсь, прошу
Петра святого и кто-то властно
Мне за спиною говорит:
Встаньте же с колен, стыдно!
И голос был не твой. Из прошлого. Живой.
Его боготворила. С ним лучший заголовок.
И для него статья. С ним мозг работал
Круто как может только в восемнадцать.
О, пошлости не надо господи!
Святыми чистыми ведь были мы тогда.
И мой редактор навеки будет лучшим.
С ним распевая серенаду Смита
Мечтала видеть Рим перед собою,
У ног громадный Колизей
Где гладиатор сильною рукой
Меч направляет на разъярённых львов...
Я вижу императора Траяна,
Прогуливающегося по ночному городу
И Марк Аврелий размышляет сам с собой,
Что каждый день исполнен как последний,
Без лицемерия и суеты...
И если бы мы жили в Древнем Риме,
Ты встретился со мной и я, гетера,
Играла на кифаре, услаждая слух...
Я твоя, Микель Анджело,
Бесстыдная красота.
И сохранив навеки форму –
Бессмертный строй пиний,
Беспечно провожаю день,
На моей нетронутой постели
Молодой и невинный Давид...
Когда мы поедem в Рим, хочу,
Чтобы цвела глициния
И обнимая меня ты говорил:
Моя слабость, мой последний кусок
Я тобой плененное красное дерево,
В частном доме Византии...

Утренний декаданс

Эти синие цветы,
Зацепившиеся вдоль забора
Словно две соседки у дозора
Воспарившие от суеты и пустоты.
Час недолог – утренняя свежесть
Вмиг исчезнет от полдневной духоты
Господи, пока я здесь, дай насладиться
Той безмерностью, что в мире мер
Как трепет мотылька на кончике иглы
Лишает нас крыла и
Фонарей танцующих
Тени как химеры...
Меж двух пожаров дорог шоссежных крест
Забывтое дыхание, незавершенный жест
И треск ломающегося битого стекла за переездом...
Теплее, ближе росчерк солнца на подушке
Судьба, поющая гекзамером,
Звучит ещё хореем и пятистопный ямб:
Ты погрузи, она шептала вслед слова мои...
Уходит пеплом вверх, в небытие

Летний сон

Кто-то засыпает,
Только прикоснувшись
Головой к подушке, –
Дар богов и милость – сон –
Мне не так повезло,
Что даже в раю не спится,
Плата за непрерывно бодрствующий
И изнасилованный мозг.
Сколько может вместить килобайтов память,
На флешке, копирующей впечатления,
Почти не осталось места...
С утра яркий хвост свой
Распустит жар-птица веером,
Поглубже в водоросли
Прячется семейство рыбе,
Мальки непуганые вьют возле тебя хоровод,
Виноградные кисти,
Наливаясь янтарем
Брызнут вот-вот уже соком
Неторопливо цветок облетает пчелиная матка,
Как же в природе устроен такой порядок
Что никто никому не мешает жить?
Чайки высоко в поднебесье перекликаются
С ласточками, день предвещая жаркий...
Стремительный август
В звонком полете так широко распускает крылами,
Чтобы успеть покорить обаянием лета...
Скоро распушится, станет невестой магнолия,
Олив плоды превращаются в масло,
В чанах забродит вино урожая,
Две тысячи семнадцатый канет в историю,
Мы станем старше на год – ближе
К бессмертию, наши шаги станут менее
Слышными, в мягких чертах и улыбке осенней –
Золото наших надежд и
Причудливых мыслей...
Сон мой земной постоянно убегает ночами
Пусть он вернется однажды,
Когда перемеряю все наряды –
Прекрасными были поляны
Моего несравненного лета
Под грохот и веселье летних бурь
Отражаться в твоём взгляде
И писать, писать стихи...

О счастье

Отражаться в твоём взгляде
И писать, писать стихи...

* * *

Почему так хочется говорить о счастье?
Именно о счастье в розовом и синем
В то мгновение, когда тебе кладут в ладони
Четыре килограмма в чистом виде.
Вы теперь навеки пуповиной
Связаны как космос с кораблём
Эта девочка в красном и мальчик в голубом
Уязвимы как пята Ахиллесова
И ты не смыкаешь глаз
Ни ночью, ни днём...
Если б не было тебя, то я б жила
На территории выжженной земли
Два моих птенца как два крыла
Беззащитны без твоей любви...
Счастье – это когда остановилось время
И бежит навстречу смех летящий
Обморок, глубокий сон, когда ты можешь
К облаку взлететь как мячик и обратно.
Счастье – это песочные часы,
Из мгновений, слов песчинок,
Из желания однажды
Пересечь вдвоем пустыню.
Счастье – это когда ты зовешь никого
Когда ты надеешься вновь и вновь...
И слаще воды нет более той,
Что с наслаждением пили...

Фиолетовое настроение

Нарядился август жаркий
В мандрагоровы цвета
Солнце рыжей губкой мылит
Небо, грусть и облака...
В ряд платаны часовые –
Неба синь и моря ширь
Это сине-фиолетовая птица
Так похожая на анемон.
Наши каждодневные прогулки
Откровение луны и звёзд
Дальние огни и переулки;
У залива безмятежный сон.
Из глазниц небесных слёзы
Ночь скатилась – день угас
На кольце моём широком
Дивный камень хризопраз.
Осень скоро – зацветет камелия
Год очертит свой неслышный круг
На шесте сверчок заводит песню
Пьет цветок божественный нектар росу
Я твой рыжий талисман; на судьбу-удачу
Бойся потерять меня, сжимая руку...
Там где море плещет вечно, не узнают
Женщину, что чашницей была в Олимпе

Пятый элемент

И когда ты решишь,
Что твой поезд ушел
Проза жизни сменила поэтику речи,
Снова пять тысяч столетий пройдет
И откроются двери для встречи...
Ты огненно-рыжая, из ДНК инопланетян
Лулу, ты пятый элемент в голове
Гениального Люка Бессона, а может ты дива
Плавалагуны с арией II Dolce Suono,
Неважно, сегодня ты пятый элемент,
Потерявший валентность,
Дама без собачки, Голубая бездна...
Я любить тебя буду как любят весной
Ошалевшие голуби на кромке карниза
И ничто не способно сбить их настрой
Рисовать поцелуями прелесть эскиза...
На тугих парусах уплыв за моря,
Заплывая в темницы сказочных снов
Ты плывешь, не отталкиваясь ото дна
Твои обнаженные плечи ласкает волна
И сказочно нежен вечер, сумрак вечен...
А в огромном омуте прозрачно и темно
Как на дне колодца, где лежишь ты
Запахнув как створку подол у кимоно
Не найдя ответы...
Когда из других миров летят кометы
Как будто письма от тебя,
Твоя душа от тела отделяясь
По звездам все-таки найдет меня

Перфоманс

Мне приснилось,
Что я защищала в Сорбонне
Русскую речь
Мой оплот, надежду, твердыню,
И по сути действительно Родины нет
У того, кто принят чужбиной...
Есть леса и холмы, долины и храмы
Детство, юность, почтовые ящики, рамы,
Где полдневное солнце, где курносое солнце
Босоного и счастливо тонет в портвейных лужах...
Я похожа на тофу и не пахну никак
Принимая в себя все запахи мира
Днем я роза и любят меня и мудрец
И капризная лира... иногда я цветенье
Душистого клевера и на стеблях моих
Мотылёк и кузнечик обсуждают наряд
Крошки – гусеницы мученицы
С зелеными помпонами шипами.
Вот песнь ночная странника
Под новою луной:
Doch wusste ich – но все же я знала
Es war der Heimat Licht – что это был свет родины,
Мой родной свет
Я слышала, как грызет лист гусеница
В меня попадали пушинки листьев
Я лежала и думала...
Я слышала биение собственного сердца
Словно я уже на погосте, где вечный сон.
Как в детской игре, одни мысли рожают другие
Лица, которые стали для меня совсем чужими
Забывшие звуки жужжали возле уха моего,
Нельзя заходить к Богу в спальню –
Даже если его там нет...
Он играет соло на ундервуде
Шелкопряд прядёт свою мечту
И ты всю жизнь ждешь своё солнце...
С которым каждый день гуляешь по бульвару
И позволяешь крыльям прорастать,
А корням летать... такой перфоманс...

Я возвращусь

Когда сильно приходится
Скрывать свои чувства
Томыш не проскочит,
И комар не подточит носа
Тогда может выдать только
Хава нагила и 7/40 (фрейлехс)
На большой глубине.
Вот косяк обезумевший идёт на таран,
В свете солнечном ты ни на йоту
Не сдвинешься, ты глупец и тебе всё равно
Что подумают рыбы – ты идёшь на охоту...
О, море, если когда-нибудь
Примешь мой прах,
Я возвращусь и стану грёзой,
Живым водоворотом...
И в рыжем тумане,
Сверкая перламутром
В бушующих волнах
Едва заметным блеском,
Через столетья – стану как сегодня –
Воскресеньем, хватая сильный ветер
На неге и восторге прежних лет...

Роза ветров

Реку времени не переплыть обратно
Не вернуть счастливое вчера –
Твой корабль опускается на дно
Чёрный флаг трепещет за кормой.
Я бегу сквозь мглу воспоминаний
Ветер ледяной срывает флюгер
Мое сердце висит на перекладине
Из торчащих брусьев смотрит удивленно:
Как? Жива ещё?
/А колокол всё тише, тише.../
Над оранжевыми крышами выше облаков
Кто-то тоскует по розе ветров,
Откуда ветер дует – никто не понимает,
Но в воздухе острый запах
Млечного сока простых одуванчиков,
Из которых в прошлой жизни
Мы добывали вино и... удаляли веснушки...
Вот стекает по пальцам, вытекает
Как плазма белая жидкость...
Поспевает айва... и совсем осыпалась
Белоснежная вишня...
До утра поют соловьи
И на розах серебряный снег...
Я жасминовой веточкой свою
Отгоняла печаль,
И смеялись два ангела –
/Я любила жасминовый чай/

Магнолия

У магнолии недолог век цветения,
А цветок размером с голову младенца,
Во французской речи нет ему сравненья
Манифик, шарман не то, не то, не то...
Есть поверье, что в цветок бумажный
Безымянная влюбленная вдохнула душу
И подскажет деве первый цвет –
Скоро ей предложит кто-то сердце-руку.
Я когда-то окружённая теплом и белизной
Не удержалась – сорвала цветок
Ночью любовалась красотой неземной
Над лепестками нежными вздыхая...
А наутро в нечто черное – комочком
Превратилось очарование мое...
С той поры я поклялась не красть цветок
У теней волшебных флёра ночи...
Чтобы не оплакивать тоску,
Не грустить как заблудившийся ребёнок.
И когда при взгляде на лиловые закаты
Сердце твоё плачет без причины,
Значит ты по-прежнему невинна,
А надежды и мечты твои еще крылаты

Игра престолов

Лунный свет широк и вечен
Спит морская гладь...
Валерийской стали нежность
Нам не даст солгать.
В богороще сердце-древо
В зачарованном лесу,
Будь ты трижды королевой
Тебя козни не спасут...
Никто судьбы не зная наперёд
Рискует, ставя жизнь и только
Отважный дикий люто-волк,
Готовый перехватить любому глотку...
Там за Узким морем воля и покой
Стоит произнести: Валар Моргулис!
Я забыла свой дотракийский язык
На плече наколот тату: дракон на мече
И как все несчастные принцессы-изгнанницы
Мечтаю вернуться и однажды вернуть
Свой Железный трон.
Игра престолов. Несуществующее место.
Коварство, кровь, жестокость королей.
И мрачная, высокая стена,
Последняя надежда для людей.
Меч и сердце. Земля Вестероса.
Поцелуи мороза и объятие холодной земли
Семь королевств сошлись на пир.
На пир кровавой бойни
Ты пешка, шут или король
Борьба есть способ выживания
Грызутся волки, плачут овцы
Кровосмешенье и интриги
Под ударом сабель острых
Распадешься в прах и пепел,
Никому нет дела до твоих оправданий
Никто не станет жалеть тебя –
В пекло, твое достоинство!
В пекло, твою никчемную жизнь!
Но есть всё же в диких песках
Красивый беспечальный город
Где не ведают горя, –
И всегда есть для всех и еда и вода,
Где каждый может услышать
Шёпот листвы, увидеть зеленые сны
И видеть так, как видят деревья и боги...
Лунный свет широк и вечен

Спят фантазии и чуткое Слово,
Снова нащёптывает любопытному ветру
Напоминая о Игре престолов...

Взятие Бастилии

Ты шутишь, что взял Бастилию
С теми, с кем пил вчера –
Французский приятен для русского слуха
К тому же привычен с утра...
О, мадам, как я скучал
Томительно шли часы...
Месье, какой вы право, проказник
Шесть лет вы шутите понапрасну
Не дрогнет бровь и не зальётся краской
Загорелое как у мулатки лицо...
В фейерверке вспыхнувшем жарко в ночи
Встретятся губы и руки чьи-то
Брать приступом прекрасных жён
Что может быть отважнее...

Имя роза

И утонувший в пышном цвете лета
Печаль не ведает, –
Соленая вода проникнет в поры
Словно вглубь вселенной
Где ты никто
Но имя тебе роза
Бегущая из детства в небеса.
Где все большое: корабль, облака
Похожие на великанов;
Рвущие полотна на кусочки
Где каждое то лебедь, то овца
Ты беспричинно плачешь и смеешься
И время года – вечность
Перетекающее из лета в лето
Как платье подвенечное – одно

Дульсинея Лазурная

Выйдешь замуж,
По большой любви или залёту
Ветряные мельницы теперь твоя забота
Дон Кихот сисадмин,
Санчо Пансо продвинутый юзер
Дульсинея – любимый типаж
Поэтесс, малахольных и дурочек
Святая наивность и простота
Лежишь, созерцая волну, бронзовеешь
О, Дульсинея, пока ты не стала
Самой худшей из жен – молись;
Пошли мне, Боже,
Волшебника Фрестона
На облаке, летящем мимо нас
Чтобы когда кому-то станет плохо,
Всегда найдётся тот, кто победит хоть раз
Иллюзию любви, где я теперь не маюсь
Не каюсь, не спрягаюсь, не склоняюсь
Тобой не задыхаюсь
И даже не влюбляюсь,
Но возвращаюсь к жизни
Как будто не жила

Июльский день

Я хожу близорукой, вдаль сощутив глаза,
Чтобы вычислить точку зенита – напротив надира
По утрам звон цикад, перистальтика мышц
От веганских причуд, где три блюда
Как саше в золотистом кашпо
Перламутровой устрицы
Что поила вчера тебя своим молоком.
Твои черты, запечатленные однажды
Не видеть четко – целое искусство...
И пусть тепло как плод в моем саду
Отогревается и подставляет левый бок.
Не видеть черной тли
На шероховатости ствола,
Но вздох летящей бабочки,
Где тоньше шёлка
Легчайшее крыло
Услышать под палящим солнцем.
И радость как купаж –
В июльских днях закатных
Пропорцией добра уравновесит мир

Экзюпери

Когда кончается свет,
Пальцы рук помогают нащупать тьму...
Когда твоё сердце давно в плену
То ему ничем не помочь
Здравствуй, маленький Принц
Пишет твоя принцесса
На горошине, от стола два вершка
Замороженная в прошлом веке,
Как и ты непохожая
Ни на угол, квадрат,
Ни на тангенс, котангенс
Такая правильная гипотенуза
Натянутая как тетива лука
На упрямую голову тех,
Кто любит поспорить
На свежую голову, натошак
И ревет белугой, когда что-то
Где-то идёт не так
На Планете людей
Идут постоянно дожди
Здесь обманывают и предают
Друг друга
Средиземное море не чище
Других морей
Где-то здесь покоится тело друга
Я ныряю каждый день
И пытаюсь узнать у рыб
Есть ли жизнь после смерти
И как это будет выглядеть?
Как морская трава или пиренейская
Выхухоль на границе испании-франции
На стабильном уровне,
Быть в ответе за тех,
Кого приручил – это сложно
Люди думают о собаках и кошках
Но на самом деле каждый принц
Отвечает за свою принцессу
И король отвечает за свою королеву
На планете людей безмятежное солнце
Мы такие какими оставил ты нас
Возвращайся, мон шер
Чтобы в каждом оконце
Засияло небо как в твоих
Небесного цвета глазах

Утренняя прогулка

Миллионы цикад
Одержимые с ночи
В жерновах перемелют в прах
Всю округу: кто круче?
Маховик земли раскрутился
И поршень прислугой
Цилиндру, так видимо лучше
И в сосновой роще
Бородой запутался Вакх
Озорной, веселый, могучий...
То-то волны сегодня притихли
Изумленные,
Сверху им,
Партитуру дня надиктовывает
Джованни Боккаччо,
Любовь моя,
В наступившем рассвете
Боги Кришна, Брахма и Шива
Поцелуи задумчиво
Посылают лазурной воде
И она вся блестит, отзываясь
Кругами, серебряной рябью
Словно прожорливый кит
Заблудился, заплыл,
Полагая что
Догоняет селедку
После вчерашнего бриза

Странности любви

Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы? –
Любопытный чибис
Я сама хотела бы об этом знать,
Там за океаном, дальними морями
Есть страна, в которой не бывать.
Звёздная поверхность,
Вышитый узор
Сумрачная нежность,
Погаснувший костёр
Я здесь, я здесь, я здесь, –
Курлычут журавли
Чёткий чей-то профиль
Странности любви...

Чужой дождь

Своих алмазных слез
Дождь не жалел,
Смыть желая тщетно
Пороки, праздность, суету
Когда из грозových раскатов
Молния пытается
Догнать проворного гонца
Из темной мути появляется
Красивейшая девушка
По телу её гибкому
Восторженно сбегает
Ошалевшая вода...
Но льющийся поток скрывает
Лик сияющий
Целуя мокрые, озябшие кусты
И на цветы в пределах
Божеского рая
Падут несбыточные сны
Сто лет одиночества
Гонит подальше вечер
И стоя у окна в уснувшем доме
Ты не поймешь моей тоски
Когда тяжелый крест
Надломленным стоит
И одичавший ветер
Гонит обратно
Своё холодное объятие
Как стаю черных галок и ворон
В небытие
Ходящий молча круг

Вещь в себе

Я вещь в себе. Сама себе приют
Терпенье, безысходность чувств
Рука в браслетах, замерев от пут
Высвобождается, очерчивая грусть
И плетью обуха не перешибешь,
Когда повиснет долгое молчание
Как приближение губ, когда ты врешь
Сама себе, что это в наказание...
Хочу кораблик, чтоб было как всегда
Толпились люди – небо как вода,
Вода – морщины старого любимого лица
Которые пытаешься разгладить как всегда
Чтобы набегая, упругая волна могла стереть
Печаль луны, печали дна...
Когда ты оттолкнувшись, поплывешь
Замрет и небо и идущий прямо флот,
И не найдётся дурня, что закричит тогда
Человек за бортом, все будет как обычно
Как всегда: равнение на середину
И внутрь околуплодных вод тебя затянет
Как в тот водоворот, когда смеющийся
От счастья рот вздохнуть старается поглубже
И крик из оболочки дня повиснет радугой
Сверкающей стеной,
Чтоб торжество предшествующего дня
Было очевидным, полным
А белый стих забытый навсегда,
Когда из тягостного плена снов –
Выныриваешь и уходишь вглубь размытый
И волны омывающие вслед приносят
С песком и илом берег чистый
И ты вновь счастлив. На белые страницы
Ложится луч весёлый золотой

Когда не пишется

Когда не пишется
И тени все короче
Тогда другой эстетствующий поэт
Залечивает жвачкой угол ложа
Без задней мысли, просто по привычке
Ища слова как зимнею порою нищий
Высматривает очертанье пищи
В зловонном ящике остатков трапезы
Удачливых собратьев по всему
Их облики с утра идут, качая нимбом
Напоминая как изжога, что вчера
Как будто ты в такой толпе плыл с ними
Но вспомнить не удастся: что, когда
На нижней ветке как на жёрдочке тепло
Привычно осязанье – мир ничтожен
Когда костер у мусорного бака греет ноги;
Ты нищий и король и тот, кто вел тебя по
Жизни – его распяли такие же как он,
Что после сочинили – выдумка жрецов.
А за углом, за три квартала, на прекрасной
Улице есть мусорные баки, полные жратвы
Так миру мир и с нами Боже, что шар
Слегка расшатывает – пересчитать все
Твари божьи, чтобы погладить каждого,
Когда ему совсем-совсем неможется

Взрослая колыбельная

мы близнецы, что спят в обнимку вместе
как корни дерева, переплетясь ветвями
как зрение и речь, что спорят меж собою
но звуки исторгает круглый рот: ЛЮБЛЮ
с холодной непреклонностью богинь
я отвечаю: всему что зримо
– прообраз есть, на берегу ручья
тот краснощекий мальчик с тоскующей душой
несется за бегущей волной из Остенвальда
к животворящему началу
мой Зигфрид, рыцарь и герой...
«Шипит брошенная в ручей свеча,
из неё выходит душа
плачет кинутый в воду крот
и слепыми глазами читает небосвод»
по Введенскому все мы частицы ночи
сутки прошли. Спи мой хороший
ты мой любимый мужчина-герой,
время не властно, пока я с тобой
каждое утро ты всходишь с росой
капельки света, миры во вселенной
мера твоя, когда слушаю песни
это и звуки разбуженных птиц
это и шелест растущих пшениц
это цветение, нежность бутонов
дружба и шепот ленивой волны
пусть Бытие равнозначное Богу
переплетается денно и ночью
сутки прошли. Спи мой хороший
Баюшки-баю...

Желток луны на мантии небес

Когда приходят в сны
Ночные призраки
Мне не уснуть
Пока они тревожат...
Ту память, загнанную в угол
Дальней комнаты
Где музыка звучит, звучит, звучит...
И невесомость пальцев
Словно бабочек
Освобождающих из плена тишины
Дотронувшись к небритому виску
И шелест платья
Первым звуком флейты
Оставив в приоткрытой двери
Пугающую тьму
Вот тогда кино: недвижимое немое
Вдруг обретёт и плоть и ракурс
Чтоб в чёрной комнате
Стать чёрной кошкой
На мягких лапах
Уходящих в полутьму
И в бархат синей ночи
Прошитой гаснущими звёздами
Мое сознание золотыми рыбками
Выпрыгивает вдруг из темноты
И память – переполненный садок
Спешит, освобождая место
Для другого сновидения
Из небытия открывшегося вдруг...
На снимке, что хочу запечатлеть
Одно большое рваное пятно
Где сгусток памяти
Желток луны на мантии небес
Надев пальто
Выскальзывает в дверь
И ты кричишь, –
Но крик неслышен твой
И все чужое: голос, руки, память
Как будто Бог следивший
За мирозданием
Забыл тебя, но ты идёшь к нему
С закрытыми глазами
Вытягивая руки
И отталкивая тьму...
Ты трансформатор счастья

Ты антилопа гну
Ты только появился,
Тебе день от роду
И только мама помнит
Где ты живёшь и как тебя зовут

На плывущем лепестке

я больше не завидую цветам и красным листьям
на месте спящего третьего глаза щемит,
когда влюблен
биенье сердца быстрое –
что наковальной бьет –
это любовь
и мой покой благословен
избытком света
и все похищенное когда-то
сполна с лихвой вернулось мне
одною мерой нам дано любить
одно светило нам сияет с небосклона
тот воздух свеж и чист
когда в полдневном зное
жасмин смешался с травяным настоем
так липы аромат сливается с душицей
и кто-то сверху песней обручальной
мне жизни суть в гармонии открыл...

Безумие и его Бог

Код доступа неизвестен
Письма идут в никуда: Здравствуй!
У вас, на востоке, штормит и пылает гроза...
Вглядываясь в неизвестность,
Ловлю сообщения, {хоть что-то}
Никто не знает – как Коста?
Автор мятежных строк?
Жизнь одного человека
Достойна прозы хайкай
Зло навалилось и губит
Сжигающим жалом вся
В поэзии не стало красок,
Как назвать эту БОЛЬ
Тысячи гибнут – гражданская?
{Иль мировая стезя??}
О, если б только звук мечей...
Вдруг перестала колоситься рожь
И гонит ветер смог и пепелище,
Косым дождем колотится в окно
Не жалуйся на монотонность слуха
И как не прячь ты голову свою в песок
Из фраз, ужимок и кивков могущих
В умах врагов {вы их хотите знать?}
Легко рождает подозренье,
Вымысел и ложь
На грани ужаса, безумства –
Дети-орхидеи
Нас содрогаться заставляют
Так хрупок этот маятник
Веры и надежды
Ступай, моё печальное перо!
Всему начало есть и есть конец
Средь мировой стихии есть купина –
Неопалимая как родина моя
Не для меня одной
Пусть небо зажжено сегодня
И не одной мне пить небесное вино
На все есть воля божья, но Господня
Пусть не выключает звезды над тобой,
Пусть флейта как Архангела труба
На рідній Україні больше никого не призовет
Пока бегущая за нами жизнь нас не разлюбит
И счастье, что ты над прожитым не властен
Каин убил Авеля – пророчество или безумие?

Там, за поворотом

Дом моей мечты
Стоит на высоком холме
В Счастливой долине
Где шелковистые травы
Щекочут босые ноги
зелеными террасами
Полого спускаешься к морю
Из окон струится свет
И в ночном воздухе
Колышутся тихо гардины
Двери в гостиную полуоткрыты
Где на рояле
рядом с букетом осенних роз
Лежит мой платок
Кусты азалии, рододендрона
Покрыты душистой испариной
И разминая пальцами лепесток
Вдыхаешь квинтэссенцию –
Тысячи запахов
/то грусть уходящего лета/
Единственная форма опьянения
Привлекающая меня –
Запах жасмина,
Аромат огромных кустов сирени
В белых кувшинах
Наполняющих дом
розовато лиловая, желтая горечь
Опадающих крокусов
Лепестки словно хлопья снега
И неприметная фиалка
Вытесняет папоротник
Бросая вызов небесной синеве
Через лужайку пролетает дрозд
Направляясь к магнолии
Чай под каштаном
Свежая малина
Серебристо-белые свечи
Рокот моря внизу
Время бессильно
перед неземной симметрией
этих стен
Перед домом –
Алмазом в углублении детских ладоней
время возвещает часами
Бежит вперед и окунается в вечность

Когда зеленый луч
освещает Счастливую долину
И твою улыбку
Теперь я знаю где водится форель
И играет лосось
А во сне собираешь наперстянку и белую дрему

Была тебе любимая

не жалею о высокомерной юности
где я беззаботно, счастливо жила
и к ногам моим бросали
горностаевы меха:
люди, пристань, острова...
выстрелом из-за спины похожим
стало одиночество и тлен
но идёшь ко мне навстречу снова
солнца шар качая полудневный
и колышет ветер парус органзы,
побелевший от соленых брызг...
я, освобожденная, живая
ни за что не покажусь, тоскуя
тень от облака бежит бежит по лугу
настигая плотной пеленой...
за твою любовь и нежность
сон сладкоголосый, дивный на заре
непомерной платой, сердцем спящим
золотой орешек
на верхушке рождества,
– высокой ели
положи на грудь, мой ангел, бледный
в свете лунном,
мне загадывая сны...
и душа взойдёт на новые ступени
будут снова радостные дни
под звездой бессонной,
среди снега белого
вновь земля качнется подо мной
не ревнуй меня, любовь моя
все, что было – былью поросло
вновь бегу навстречу,
не подам и виду
что земля уходит подо мной

Два крыла

Два крыла у меня: сын и дочь
На дворе стынет долгая ночь
Полечу над семью холмами
И взмахну я двумя крылами.
На руинах волшебных грез
Промелькнет утерянный замок
На пороге – красивый бог
Вновь целует меня на прощанье.
Как щемяще печальны его глаза,
Седина – серебром студит
Видно звездная пыль небес
Не минует того, кто любит.
Мне бы птицей – камнем –
Упасть с небес...
Стать бы цветом фиалок и грусти,
Но два ангела, два надежных
Моих крыла –
Возвращают Весне – на поруки...

Не богохульствуя

*За то, что будет и не быть, не может,
Что сон, и этот будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта
Что сводит в Ад любовь рабов своих, –
Прими мой стих,
Ты, Афр о д и та!*

В. Брюсов

границы сна и яви зыбки
и словно горькое возмездье
пьет во сне Фесей и молит сна
и снится мне, что океаном стало наше ложе
по разным берегам плывущим, все же –
лицом к лицу
как ямб не может без хорей
и сталь булатная без ножен
не ощущая близость кожей
мы бредим одинаково похоже
словно корабль плывущий
хочу прервать тоскливый сон
единым звуком
дать жизни вздох
и выход тайным мукам
почувствовать чужое как свое
шепнуть о том, о чем язык не смеет
почувствовать себя всевластным,
чем только избранный поэт владеет
так часто заставляя биться сердце
мечом пронзенный венец терновый
умеющий любить и жертвовать собой
Господь мой пастырь, есмь ли ты,
не я ль перед тобой?

Поцелуй дождя

Десять пальцев ищут друг друга на ощупь, переплетаясь
Чаша желаний переполнена до самых краев
Дождь поцелуев, покрывающих шею и грудь,
Ошеломляющим шквалом –
Я люблю, люблю тебя, рыжеволосая ню...
Дышит в спину город обмана и холод осенний
Но Шалый мальчишка, прекрасный в своей чистоте,
Теплым июньским дождем стирает ошибки
Будто дарует крыла сумасшедшей мечте
И уже не стыдись, не скрывая своего поражения,
Слезы небесные губами ловлю упоенно
Глаз твоих свет негасимый – мое воскрешение
Тайная чаша Грааля невыносимо сладчайших мук...

Dominus

Великому Лицедою – Полунищу, его снежному шоу

На ярмарке тщеславья нет простоя
Спешит всяк сущий толпою и подряд
Здесь леший с нимфой парочкою ходят
Король смешного на вторых ролях.

Накинув пётлю – улыбнулся кротко
Длинна веревка – некому помочь...
Хохочет публика – вот шут гороховый
Сегодня не востребован король.

Игра как способ жизни уцелеть
И парадокс для зрителя загадка
Зачем я, для чего и как –
Блюм-блюм комарики... вот так.

Неуловимы солнечные зайчики
По всей вселенной разбросал ты их
Смеется зал, не подозревая,
Что плачет, отвернувшись, милый мим.

Звезда по имени Солнце

в минуты безысходности
когда казалось –
только смерть и тьма
тот дальний свет
чьим отсветом ты был
то утешенье мне –
и путеводное светило
звезда полей, усталых моряков
звезда по имени солнце

* * *

Теперь, когда в душе весна
и чудо рождества
волхвами под серебряной луной
в миг таинства, сияния, добра
услышь меня:
пускай мы только пыль грядущего
песчинки, схваченные ветром,
виденья, странники миров
и брызги ярких обрывающихся снов
ты есмь, ты будешь во вселенной
пока жива моя любовь

Филоните атланты

атланты, державшие небо устали, у них перекур,
хозяин, не терпящий вредных привычек –
уволит без содержания. Это возможно?
Профсоюз ликвидирован. Клару и Розу
тихонько кроют мужчины по матери
добрую сотню лет. Коллапс предвещал
Нострадамус. И Ванга-слепая провидица,
повторила предсказание майи – 2012 год.
С одной лишь поправкой: если мир не
одумается, планету может сберечь
одно лишь желание здравомыслящих...
казалось, что проще – любите друг друга,
но ненависть, рабская кровь порою сильнее
и как мы витийствуем, следуя менталитету
известно, что снявши голову, по волосам
уже не плачут: Чернобыль, Хатынь, Освенцим,
Гулаг и перечень этот отнюдь не закончен.
Апокалипсис давно наступил. Это дети-изгои,
братоубийство белых и красных вождей,
неуважаемая позорная старость и все реже,
мальчикам снится затонувшая Атлантида,
где быть счастливым – обыкновенное чудо...
ау, атланты, титаны, державшие мир на ладонях,
до тех пор, пока человечество верит в легенды
на ступеньках Эрмитажа целуется беззаботно
новое юное племя, к рукам прибирая
пространство и время... а пока – на плечах своих
сильных, атланты удерживают небесный свод,
насмешка не сходит с их безмятежных лиц:
слово женщины – закон для мужчины –
до тех пор – пока женщина желанна мужчине...

Глаголом жечь

Познакомимся. Обычная женщина
Дилетант широкого профиля
У предела господнего пившая
Свою чашу до полных краёв
Мне приснилась, к чему бы это,
Шагинян... Мариэтта¹... покойница
Я даю интервью – не хочешь ли? –
Грозно так вопрошает старушка.
В новом веке моих читателей
Не осталось...
Даже тех, кто припомнит с трудом –
Шагинян Мариэтта???
Я утратила лик свой былой.
Стихией возмущенной, дерзкой
Азартной, равнодушной я была
Мой крик потомкам – публицистика
(Столетье на моей ладони)
Надеюсь ты давно прочла?
Даже зверь лесной, когда изранен, –
Ползет домой...
И знать хотелось бы,
Что в мире, как живется,
(ослепла в свой последний год)
Но не глуха была и не была беспомощна:
Как там Армения, в обиде я...
Хотя особенный,
Ее церковей напев гортанный
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи, и кручи,
И сладкий запах чабреца...
Роднит нас, не поверишь, запах моря
Который я любила до безумия
Разнообразие ракушек –
А не пройтись ли нам по берегу
Кто более насобирает: ты или я?
В моей коллекции – янтарь с берегов Прибалтики,
Бретань Французская и бухта Коктебеля
В квартире письма драгоценные: Цветаева,
Белый, Зощенко, Ромен Роллан...
Ты поживи с моё (и хитро так смеётся)...
К чему бы сон? Да просто к перемене

¹ Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – русская советская писательница, одна из первых советских писательниц-фантастов, публицист.

Погода изменилась: быть весне
На бирже рубль упал до безобразия
Пропавший малазийский Boeing канул в Лету
Шумахер в коме; есть признаки надежды
И главное – паны дерутся,
А у холопов давно чубы трещат
И не найдется публициста,
Кто бы пером сумел остановить и танки и развал...

Минутное

Сеять раздор в своем собственном сердце
Пепел печали развеять по ветру
Тоньше игольного ушка то чувство:
В нем сокровенность и вера и нежность.
Там у оврага, где дикая роща,
Тенью крадутся крест и терновый венец.
Край, где встречается солнце с луною
Светел и тих после бурь и дождя
Господи, Боже, даруй одиночеству
Ту благодать, что сильнее огня...

Сан-суси

вообразить себя принцессой Грёзой
пройти рука в руке –
по парку Сан-Суси
восставшая из праха,
пятой группой крови
побегом меж поэзией и прозой
блуждая до зари
где счастлив был
под сетью путаных дорожек
под лунной аркой
вспоминаньем плыть
к желанным берегам
без черной зависти, без желчи
струится смех и ветер вторит нам
и тайное нам станет явным
и реки вавилонские вдруг вспять пойдут
за гранью сновидений и реального
мне видятся только твои черты

Ритм-энд-блюз

если долго-долго разглядывать марку колонии
Берег Слоновой Кости,
то у этого тихого берега все оттенки рыжего, белого...
tremolo скрытого «лю» в твоём верхнем регистре –
пробуждение, солнце...
и мне слышится соул /ритм-энд-блюз/ серебра и бронзы...

* * *

четырнадцать... уже Джульетта
и он, ну просто вылитый Ромео
море плюс восемнадцать, кровь по жилам
кому из двоих пришло в голову:
а давай встречаться во сне?
уже не вспомнишь
знаешь, мы гуляли по набережной
смеялись-шутили-ели мороженое
два земляничных,
ты отказался от грушевого вкуса...

* * *

спустя много лет случайно столкнулись на набережной
угощали друг друга:
два земляничных?
/а он едва усмехнувшись/
с детства не любил грушевый пломбир

* * *

если долго-долго разглядывать марку колонии
Берег Слоновой Кости,
то у этого тихого берега все оттенки рыжего, белого...
tremolo скрытого «лю» в твоём верхнем регистре –
пробуждение, солнце...
и мне слышится соул /ритм-энд-блюз/ серебра и бронзы...

Февраль, километры

Ты в Альпах – на сноуборде
Я в последнем вагоне метро
И... лавирую в переходе
Так искусно как ты – с гор

Между нами февраль, километры
И несбывшееся под звездопадом
Рев стремительной красной купешки
Под рекламным щитом: счастье рядом

Предчувствие

остерегайся ягод белладонны
и ландыш майский да не прельстит тебя
тогда не надо будет Прозерпине
сплетать венок печальный для меня
меланхолия предутренним туманом
укроет холм и дом в апрельской мгле
ты не грусти, над розовым туманом,
над блеском радуги в прибрежной полосе
пусть госпожа удача белоснежной лилией
в петлице у тебя эмалевым крестом
своё прощай (чей чистый взор испил вчера до дна)
ты с радостью скорбящей – яд обрати в нектар –
в розу пунцовую – несравненный дар богов –
поэзия есть дар почувствовать себя орлом в степных просторах
элегией излить унынье, грусть, задумчивость и гул прибоя
когда предчувствием весны полна душа и посреди аллеи
клочок сияющей лазури опрокинут в черной луже,
но первые шаги весны уже слышны в ночи
и силой властной в страсти создаются звезды
и всем кто знает тайну тишины –
кровообращеньем,
кротко
смешать сирени буйный цвет и запах роз, жасмина
пусть свет струится через крону, поднимая к небесам
чернеющих ветвей изломанную прелесть
когда по мутному оконному стеклу
пройдется яркий луч и засияет солнце

Немного солнца в холодной воде

Живя на пепелище грез
Спокойным стало сердце
В окно стучит знакомый и постылый дождь
И ветер вслед метет опавшую листву...
– Привет! Как ты живешь?
– Нормально.
– На чай не пригласишь?
– Да нет, прости, дела...
А ведь совсем еще недавно
Немного солнца в холодной воде
Элюар. Франсуаза Саган.
Читаю запоем, мои пересказы
Тебе по душе, как собственно все,
Что происходит с нами...
поцелуй у метро на прощание
Сальто в сугробе отчаянное...
И глаза твои шальные – два сполоха
цвета виски, зелень аквамарин
И смеешься, запрокинув голову,
Как может смеяться только
Лучший из всех мужчин!
Твоя страсть настигает всюду
И определение секс здесь совсем
неуместно, мы открываем
Планету счастливую, новую
В гармонии единого, целого.
Орфей, поющий для Эвридики...
Ту ноту взять, что ты просил
Я не могу, мне не хватает сил
Душа моя остановилась и замерла
У тех перил, у дома старого,
Где липы по весне цветут
Прости меня за таинство любви...
За фасадами домов
Парижанки с глазами восточными
Неоплаканной тенью
Молча смотрят из наших окон

Belladonna

Оглянувшись,
вижу тебя в белом платье,
моё сокровище
Ты листаешь пожелтевшие странички писем,
они как осенние листья
зачем ты их хранишь до сих пор, моя милая,
стрелу,
что пронзает сердечко,
я рисовал для тебя так давно
напрасно ты ищешь ответ слезам своим,
моя Беладонна,
у моря глаза твои – цвета печали,
голубого зефира
я покинул свет,
потому что настал мой срок,
но я помню наши рассветы,
не посылай мне SOS
летним днем я снова увижу тебя,
моя любимая,
пламя-лёд шейкера никогда не смешивай вместе
хотя в джаз-модерн соглашусь,
лучше смотрятся девушки
мудрым я не был,
потому что и скромный смертный
не смог бы покинуть тебя
даже под страхом смерти

Мой каприз

мой каприз –
желание быть рядом
вкус поцелуя утренним лучом
тепло сплетенных ночью рук и пальцев
в недолгом странствии моем

мой эгоизм –
я пью твоё дыхание
и вечность проведу у твоих ног
ты только воскреси воспоминания
былого счастья... сумрак вечеров

моё тщеславие –
стать лучшею из лучших
и бездна возвратит мне то,
что с летним днем я бы сравнила
твои черты, в которых вижу солнце

Адамово ребро

Хлопнул дверью. Перекошено лицо.
– Надоело! Завтрак? И тебя туда же...
так сбывается пророчество твоё:
счастья сто часов, на более не хватит.
Лодка разбивается о быт
у банальности хватает многоточий
только в месте где адамово ребро
жалом пламень, кровоточит...
В пустоте и холоде пространства
преодолевая сопротивление воздуха
над водой и вешними лугами
фея грёз склонилась над тобой.
В синеве, лазурности прибой
преодолевая сопротивление волн
тонким стеблем ты качаешься на море
звёзды падают в открытую ладонь.
Породнились с одиночеством – отлично!
и скользим по краю, крылья – в щепы!!!
и под сеткой летнего дождя
то волшебное становится привычным.
Двое в лодке. Отвернулись и гребут
Каждый в сторону, забыв снять якорь...
Приближенье спросонья целующих губ
Волнующе необычны...
– Дурочка! Я до сих пор влюблён!

Мигрень

Когда твоё тело в нелепой позе зю&
Кончик сверла неумолимо точит висок
Боишься голову поднять,
Невыносимая боль:
с левого фланга возле Бар-Сюр
атакуют французы
но Макдональд теряет пленных, орудия
и отходит в Труа
будь милосердным, Господь
и пошли мне пулю в висок
так когда-то куратор Понтий Пилат
адскую боль облегчил, предав Иешуа
«Истина... в том, что у тебя болит голова»

Тьма накрывает Ершалаим, воткнута в вену игла
Струится диклофенак... анальгин
Легко голове –
гусары и полки казаков на переправе через Об в Труа
Полная мгла...
...В этот раз мигрени не удалось победить

Чудной, тоже только оживший старик
шутливо спросил, едва завидев меня:
– Счастье или деньги, что выбираешь дочь???
и рассмеялся, захлопал в ладоши, услышав:
– Здоровье!
– Храни тебя Бог!
«По небу полуночи ангел летел
и тихую песню он пел»...
А я еле слышно вторю ему:
– Спасибо, родной, что живу и люблю...

Бонжур под стрелой

когда-нибудь оборвётся
когда-нибудь не сейчас
у птицы редчайший голос
и ей сейчас не до нас
свистит, соловьем заливаётся
птаха – стрелюю летя
как будто весна разливается
по венам счастьем смеясь
и этот бегущий парень
с собакой вперегонки
будто на кон поставлены
миска щей и любви
знакомый рыбак доволен
ветер со стороны самурай
и каждый сегодня волен
у каждого спасённого рай
море бурлит, подбирается
пеньясь на берегу
ах как волна играет
словно понять могу
азбуку, ритм и фонетику
круша поэтический строй
здесь у беспечной вечности
бонжур под стрелой: не стой

Наваждение

не обладая глубиной мышленья,
о, женщина, твой облик и поныне –
неуловимый лабиринт
в мужских умах,
как нить жемчужная,
связующая время...
пусть небо нам оправа
для алмазных звезд,
а женщина – ее венец достойный!
что означает наш безрассудный роман?
быть может сон, наважденье, дурман...
падая в бездну сплелись воедино тела
губы твои меня просто сводили с ума...
к звездным вершинам нас поднимает волной
миг, когда время застыло: О, мой герой!
но почему у победы
так терпко печальны глаза
ты мой догадливый –
просто застыла слеза...
не внявшие молве, стороннему суду
тебе в чистилище, а мне гореть в аду
тот блеск миндалевидных глаз в ночи
тот жадный, в страстном поцелуе, рот
как тень моя на дне чужой печали –
все перемелет время, все пройдет...
две странницы – Любовь и Голод,
подобно плети юного Возницы...
и в вечном поиске весенний молох
в напевах флейты и созвучиях зурны

Осеннему сплину

зачем влюбленной Метеориты от Герлен?
жемчужной пудрой не вернуть фортуны
в ночь аметистовую взгляните в небеса,
где бог играет велеречивый, вечно юный
вкусив от жаркого плода кусочек лета
благодарим судьбу за ночь желаний –
когда гормоны счастья не дают уснуть
подобно китам, с начала до скончания века
пересекая меж солнцем и зимой экватор,
Даруй мне Господи одну любовь –
дороже и превыше всех святынь,
порошей стылою виски у Флибустьера
вдыхает глубоко он дальний шторм,
что по ночам приносит влажный ветер
но взгляд его прикован к каравелле
где фея златокудрая на рее –
окутывает ложе розою ветров...
На струнах натянутых заново сыграет январь
исполнены звуки аккордами веры
с промёрзших запястий черно-белые
строчки Word, в них страх утратить
любовь и надежду, среди тьмы
лишь один человек смотрит в бездну
не боясь, что падёт на него Божий гнев...
в каждом сердце есть грёзы о вечной любви
лишь в печали луны мы всегда её узнаём

Спутанные мысли

скачка идей, заторможенность, путаница окаянная
виной всему весенний авитаминоз, неприкаянность
мечтаю уехать за тридевять земель, в Австралию,
лицезреть смешных, убегающих вдаль кенгуру,
мы свеч огарки в лучах заоблачных высей,
и, примеряя порою венки грошовой славы,
видим странный, пугающий сон фэнтези,
чеховский сценарий трагичен, но входит в привычку
второй ряд партера, сестры: – в Москву, в Москву!
зал аплодирует стоя, – искусству...
наивные, провинциальные барышни –
в большинстве своем падучие звезды
стройные ряды путан – им подрезаны крылья,
приговоренные бабочки,
как им увидеть небо в алмазах?
сокровища небес не всем доступны для глаз...
кролик, беги, воспользуйся советом Апдайка:
все наше достояние – это жизнь...
оставайся самим собой,
дерево не может стать водопадом, а цветок камнем,
Господь наделяет каждого из нас особым талантом,
из века в век, так и не найдя ответа, блуждаем
по лабиринтам собственной души и кажется,
еще немного – узнаем: зачем живем, зачем страдаем...
но девять из десяти кузнечиков не находят правды в ногах
путаются-путаются мысли весной отчего-то в иных головах...

Горечь тубероз

Словно в дымке голубой
нежность, восхищение
Королевские бутоны роз
молят о прощении...
Прошепчу тебе: Мой друг,
сталты утешением
От тоски, душевных мук,
тайным посвящением.

Мы раскинем ковер
из тех лепестков
И устроим прощальную тризну
Ты свершенье волшебных
сбывшихся снов
Отчего же так грустно, мой милый?

Укради меня у печали...
Зацелуй, как умеешь,
неистово,
Пусть дурманом пьянит
тубероза,
Как родного и самого близкого...

Но как забыть тебя

Как вертится земля и солнце вечно
Так мысль моя кружит вокруг тебя
В минуты тягостных раздумий
Я не любви прошу – прошу совета
Скажи мне, как забыть тебя?
Душа ранимая, возвышенная, гордая
– неуловим твой образ
Но как роса вечерняя, звезда далекая
Ты освещаешь путь
Стану креститься слева направо
Богу угодны все:
Католичка ли я, православная
Только бы нравилось тебе
Я ловлю снежинки губами
И смеюсь в лицо злым ветрам
За сиреневыми облаками
Так просторно моим мечтам
Еще не откуковала вслед кукушка
Как вторит соловей мне голосом твоим
И слышен плач волшебной скрипки
В безмолвной оглушающей тиши
В бессмертье отпуская стихи твои
И усмирив свою гордыню
Как «Отче наш» я повторяю имя
Лучшего поэта из мужчин

Плот восьмой Луны

я без тебя полынь трава
горький и терпкий осадок
я для тебя страна Москва
космополит из сказок,
ты без меня нелюдимый отшельник,
певший под тенью в лесу
ты для меня романтик-волшебник,
в полночь принесший весну
двое из стайки непуганых птиц
медлят с перелетом на свободу
дыханье непогоды уже срывает лист
над всем – гомункул – страсть к полету
взлетим над куполами башен золоченных
влюбленным лебедям так тесно на земле.
ковш Северный испьёт один бессмертный,
где только дух жилец и властен надо всем
Над вязью строк желанный плот восьмой луны
через мосток волшебный (из хвостов сорочьих)
и над рекой серебряной холодный звук котлов
и хризантема белая венчает мой гранатами
расшитый пояс...чтоб ткать надежду
в день седьмой седьмого месяца,
чтобы сливовый цвет родился в срок
Ю, с любовью

вчера ещё умирала без солнца
сегодня Господь даровал:
возьми, Богом данная,
сколько сможешь – с лихвой,
у позднего, осеннего солнца
так нежны лучи перед долгой-долгой зимой
над измятой постелью ароматы любви
два сияния, два огромных светила
над гремящею тьмой,
где мир неподвижный сияет
и в тихую область моих сновидений
соловей песнопением нежным
где отзвуки слов шумящей листвой
так дышится вольно
и кроны деревьев неслышно качает
Эрот мой возлюбленный
владыка искусный эфира и неба и моря
правитель весны,
когда распускают свой цвет лепестки
звезда небесной Лиры

послушно переплетает нити вымысла и снов
ты сердцем чист и мысль течёт свободно
мой муж и государь всевышний

Не параллельно

Не может солнце
встретиться с луною
И ночи не дано увидеть
лик прекрасный дня.
Так мы с тобой
Обречены вращаться
Каждый...
На своей орбите...
От этого не стало параллельно.
Я пересеку границу ночи раньше
В других мирах,
Где тоже очередь,
Наверняка...
На пересечение душ
Что встретились однажды:
Тот мальчик, что старательно
Играл на скрипке
И девочка, кружащая
Как одинокий лист,
В парадном фартучке
Посередине школьного двора...
Под звуки музыки
Что так всегда любила
Я буду
Пританцовывать
В иных мирах...
Когда увижусь
Наконец
С тобою
Забудется
И прошлое
Мое страданье,
С тобой вернется
Молодость ушедшая моя

Ноктюрн

темные лавры, сирень, спящие виллы...
ласковость губ и разгул той силы,
что так долго подавлялась мной,
дикая роза обвившая ствол осины,
всё остальное – лишь пепел дорог...
и та змея,
что сбрасывает кожу
счастливее меня стократ,
наши тела, похоже, только схожи,
но маршал ты, а я всего солдат,
его высочество искусный снайпер –
вчера открылся сезон охоты –
пуля-любовь в свободном полёте –
поле прицела чисто
бабочка ночная винный бражник
натывается на тоненькую сетку:
бьется, бьется об неё страдалица
в глубине тоскующего сада...
желтая луна над черными ветвями
под кустом гранатовым
взглядом немигающим
целится змея-одиночество
горькое пророчество,
выстрелом контрольным в упор

Сладкий август

по дороге в посольство
продлевая Шенген
вспоминаю день
прошедшего – нашего – лета
в буйных зарослях, в тальнике,
под стенами старинного замка
блаженно отдаваясь друг другу
как в последний раз
мы бросались в волны
снова и снова
стон кузнечиков, чистое небо
сладкий август, забвенье
пламя рук – единение двух
пригвожденных к алтарю
поцелуев
отчего никак не напиться
кто над любовью бог
пусть дольше века длится
этот миг, этот час...
над нами, нагими,
перламутром стрекозы –
дуновением крыл –
светящимся нимбом...
по дороге к посольству
продлевая Шенген
напеваю беспечно:
– Любовь не знает границ!

Сад осенью

Сад осенью особенно красив!
Доцветает гортензии ряд...
И душистый табак, головку склонив,
Выставляет последний наряд.

Утром в инее травушка-муравушка,
Вновь туман молочный от реки...
Первые седые пряди у берез,
Звон колоколов, малиновый, до слез.

Наш дом, старинный, светится в ночи,
Камин зажжен и пенятся бокалы,
Рояль раскрыт, послушай, помолчи,
«Ах эти черные глаза, меня пленили!»

Беспечный смех и голоса вокруг,
Милый друг, взгляни ж на меня,
До зари, до утра прохлады,
Я серенады буду петь для тебя.

Звезда полночная вдали взойдет.
И нет в помине бед,
Цветок виноградной лозы растет,
А мне лишь двадцать лет.

Вот за эту призрачную осень,
Где счастлива была,
Утомленное солнце уже попрощалось
Всю жизнь бы отдала!

Подражание базе

– больше жизни...
{ в тишине }
ты родная и единственная...
– не люби меня так сильно,
гнева божьего боюсь я
тихий ангел пролетел
{ шорохи }
– ты не спишь?
– нет, я люблю
тоже больше жизни

Круг земной

ни в чём не зная меры, половины
слыву максималисткой –
ну и пусть
безмерность, пылкость чувств
не променять
на холодность и лёгкость
метаморфоз риторики
и... грусть
что в имени другом есть солнце и луна
и хвастаясь порой между собою
не видят свод небесный над собою
в чужой тональности
звучат их голоса...
но связанные равнодушием, нуждою
фиалка влажная на мху
и лотос, что окроплён божественной росой,
никак не разлетятся на куски
рабы привычки
впрочем, закон земного притяжения
еще никто не отменял

Страсти по Фаренгейту

прости,
что взорвала алмазного неба копи
над пропастью
в той самой ржи
нестись безумной шальной волною
серебряным кругом ада
до самой первой звезды
как замкнуть круги на воде руками
одинокство – странный удел и до времени срок
Бог и искусство,
перо спотыкается...
любовь движет звезды (Луну и подавно)
и если мы движемся,
то в разные стороны друг от друга?
прощальный перрон...
боль распятая, ломкая линия
целующих вас безутешных губ...
страсти земные по Фаренгейту
давно превышают привычную норму
и на штандарте фасада полощется
знаменем имя единственной моей любви

Memory

стираю города и лица –
потеря памяти
я не веду учет потерь, разлук –
я счастлива...
была примерно женой
была подругой
теперь и голос, что зовёт
не станет мукой
расставляю точки,
брошусь с высоты
ты видишь чайку?
ведь в прошлом ты такой
меня любил –
отчаянно

Сэппун²

мой белый стих –
самурайский клинок
с линией закалки на русском языке
лебединым ветром,
облаком обманным
где стога из вереска
ввысь белой куропаткой
снежным цветком на окошке
в зимнюю долгую стужу
словно зарей золотою
румянят восход над рекой
во флигеле – листья кленовые
запах воды родниковой
рыжая прядь непокорная
сумеречные
с блеском глаза
ах, эти ночи бессонные
с раскатами,
ливнем гроза
былого смутный свет
прошедший путь разлуки
зеленый луч счастливый
пронзает облака

² сэппун в переводе с японского – поцелуй.

В жизни, как в письмах

в этом городе лед заковал берега
и над Домским собором шпиль опоясан туманом,
переменчива, противоречива судьба:
когда в низине дымка, лебеди в воде
верхушки сосен правит своевольный ветер
под влажным пологом найдут друг друга губы
все это было не сейчас, в далеком сентябре,
хотя все это знать совсем не обязательно...
узнаю этот город по запаху жженой листвы
и на шпилях церковных, не кресты – петушки-флюгера
с первым криком, нечисть, по мановенью руки
исчезает без колдовства
ты пьешь за нас, поешь одной лишь мне
не призрак и не тень, земное воплощенье
вернувшийся из снов, несбывшихся желаний
как нежность и печаль сырой реки
где же та девочка, что исступленно
в скомканном времени, {дом с мезонином}
снова теряет кольцо с аметистом
«вечно впадая то в ярость то в ересь
если взглядеться в последнюю темень
свет ночника вырывает из мрака
бешеной нежности высшую степень, –
в жизни, как в письмах, помарки с размаха

Полный абзац

Старый дом по ночам трясет от проезжих машин
Третья линия на побережье холодного моря
Управляющий Янис в прошлом морской пехотинец
Который день под шофе:
– Детка, я в афгане пробыл долгих четыре года
Но кому теперь нужен отставной полковник старик
Здесь четыре семьи: латышские, русские:
Он маркетолог, она духовник
В приоткрытую щель сигаретный дымок сторожихи
На полставки еще админ игровых автоматов
Ныне хоть пруд пруди;
– Я недавно с Норвегии, там рыб комбинат
Напоминает хирургический зал стерильностью
Все в перчатках, масках /работать одно удовольствие/
Жаль, что дома нет таких же условий...
Да и платят... Унылый взмах...
– А я вступаю в беседу другая, – сезон отпахала в Англии
Шесть фунтов за час...
Фрукты-овощи в громадных теплицах так нуждаются
В наших ловких женских руках...
Дом на юрмальском побережье – мой летучий корабль
Бороздящий житейские волны, чем не ноев ковчег
Где голодные чайки вторую неделю галдят
О крайбанке внезапно почившем и другая горящая весть
Второй государственный русский, интервенция?
Былые имперские запахи?
Может это просто голубка вместо миртовой ветви
Приносящая долгожданную весть...

Сполна

Все суета сует. И твердь земли не так уже прочна.
Мне пыль дорожная теперь мила. Я обернулась
Лотовой женой. Столпом стоящей, просолившейся
от слез... Но в каждом новом дне ищу я обновленья,
Так яблоня, замерзшая в холодную годину
Торопится свой выбросить росток в Сад Жизни,
И для тебя, чья тень меня еще тревожит
Мой самый сладкий плод...

Миссия – Константинополь

будто в горах грохочущее эхо
морская гроза – задрены люки
склонились бессильно жерла орудий
мой светлый сон – вишневый стяг
кораблик среди тумана...
где ветер дышит прибоем
считаю свои немногие годы
на пальцы взглянув
ехать домой расхотелось
только в душе полны паруса
так ветер пьянит меж дюн
Корабль мечты,
презревший шторма
Бог весть, о чем твоя грусть
рой призраков невидимых
вязь неповторимых слов...
спасибо, что ты был
Константа моих грёз
пиано, пианиссимо волшебных строк
незамутненный взгляд
бегущий по волнам
до тебя так далеко, Константинополь!
плотной шторой задавило небо облаком
и сквозь бледный и неясный луч зари
обещает всё же распогодиться
август припозднившийся
сладостный, заветный...
нежность возлюбившая
и за что неведомо
солнце восходящее
свет моей любви

Спаси боже люди твоя

сырная пасха на блюде,
виден храм за окном
мерный и звучный колокол
слышен в доме моем
лед на реке тронулся,
Ока разлилась широко
старое доброе солнышко
ослепляет днем
после всенощного бдения
многая милость
благословляет Господь нас
и ныне и присно
свечи наши горящие
освещают вселенную
может звучать кощунственно –
воскресение Христово видевшие,
Замысел и Голос Трубный
мне не постичь до конца.
Ангел мой – слышишь:
Христос Воскресе!
холмик могильный,
цветок,
молчанье.
О, Боже, дай мне,
взамен тоски –
знакомый звук его речей,
все то, что отнято тобой
несправедливо...

Два солнца

*«Два солнца стынут, – о Господи, пощади!-
Одно – на небе, другое – в моей груди.»*

Марина Цветаева

остерегайся ягод белладонны
и ландыш майский да не прельстит тебя
тогда не надо будет Прозерпине
сплетать венок печальный для меня
меланхолия утренним туманом
укроет холм и дом в апрельской мгле
ты не грусти над розовым туманом,
над блеском радуги в прибрежной полосе
пусть госпожа удача несравненной лилией
в петлице у тебя эмалевым крестом
своё прощай ты с радостью скорбящей –
(чей чистый взор испил вчера до дна)
яд обрати в нектар,
пусть утонченный гений обратит
в розу пунцовую –
увидеть воскресение дано только тому,
кто, несомненно любит

Осанна

в те долгие часы
безысходности
ступора
боли
забившись в уголок
закрыв лицо руками
ты говоришь себе:
о Боже!
за что караешь
лишив
безмятежной веселости?

это чувство, что теперь течет по жилам как кровь
ты даруешь как манну небесную просто так ни о чем
но в те долгие дни печали и слез ты был рядом со мной
беспредельною верой, когда тщетно взывала: Господь мой!

слишком много жизни во мне
чтобы уйти в монастырь
и земную твердь упрямо пробуя
падая
и поднимаясь снова и снова
благодарю тебя,
что меня сотворил ты такую
я люблю! я смеюсь! я живу! и я счастлива снова!

Безмолвное хокку

скромное пламя свечи
чья-то звезда погасла в ночи
поминовения день

Степень подобия

Спеленутые, безглазые и безгласные
Букет похожий на младенца
Под прицелом взглядов, причастные
К тридцать седьмому спец отдела
Недоверие, страх визави
Утративших сегодня беспечность
Надолго ли, друг, извини
Навсегда – бессердечность
когда в новогоднюю ночь
поздравляет народ Щелкунчик
чувствую себя поданной мышиною царства
Когда Апокалипсис-всадник сминает ряды
и Фемида глаза закрыв,
притворяется ослепшей
на долгие годы

Капля манны

время вешает каждый день
свою косу на сук мандрагоры
чтобы немного взремнуть...
я вижу во сне покойных родителей
с которыми говорю на родном японском
так, бытовой диалог, ни о чём
но главное, нам есть что сказать
друг другу
не замечая прежнего блеска в глазах,
от которого слепило всех тех,
кто уходит в забвение,
вспоминая ту искорку безумия
той самой сладкой юности,
которая остаётся на всю жизнь
мне кажется, что засыпая-умираешь
и дрожат подо мною ступени
когда всхожу на башню

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.